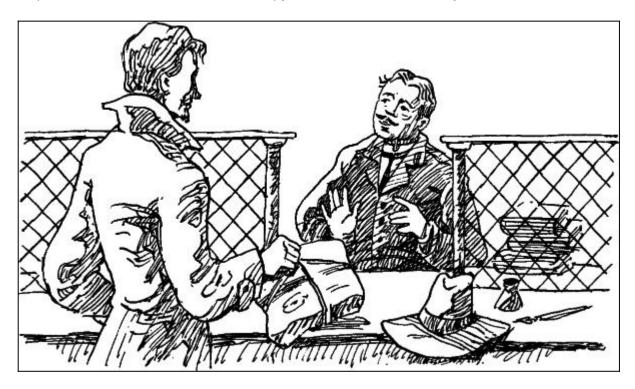
(1917 г.)Писатель Воронов снял мягкую фетровую шляпу, вытер носовым платком вспотевший лоб и вошел в почтовую контору. В большой скучной комнате был беспорядок, - очевидно, только что кончили белить стены, и теперь грудастая толстая баба, подоткнув юбку и шлепая босыми ногами, мыла пол. Сыро и прохладно пахло известью, мылом и сургучом. В мокрых досках пола, как в зеркалах, отражались раскрытые окошки, за которыми зеленела молодая листва и синело небо.

- Здравствуйте, Игнатий Иванович, сказал Воронов, подходя к деревянной решетке.
- За решеткой сидел чиновник с желтым лицом и прокуренными усами. Увидев писателя, он улыбнулся и, протягивая в окошечко руку за бандеролью, сказал:
- А, Николай Николаевич! Милости просим. Давненько к нам не заглядывали. Вам тут недавно было заказное письмо. Из редакции журнала «Вестник Европы». Получили-с?
- Получил, получил, ответил Воронов, кладя шляпу на прилавок и садясь на стул возле окошечка.
- Получил, как же. Мерси.

Он помолчал.

- Взгляните, Игнатий Иванович, какова весна-то! А? Начало апреля, а уже все зелено, все цветет. И солнце цветет, и море цветет... Ну прямо волшебство какое-то! - сказал он, с удовольствием произнося слово «волшебство», не вполне обычное в почтовой конторе. - Изумительная весна! И жарко. Вот, пока дошел к вам в контору, весь лоб вспотел. Ух! Ну, как живете-можете?

- Да ничего, спасибо. Вот видите, немножко приводимся в порядок к Пасхе. А в общем, живем скучновато, тихо. Дачников еще нет, работы немного. А так ничего, слава богу. А вы как, Николай Николаевич? Романчик принесли, покосился он на рукопись. Опять небось в «Современный мир»?
- Увы, не роман. Так, пустяки: два рассказа в «Ниву».
- В «Ниву»-с? Пожалуйте-ка их сюда. Вам, конечно, заказной бандеролью?
- Заказной, заказной, сказал писатель, подавая чиновнику пакет.
- Традиционно-с? засмеялся чиновник.
- Традиционно-с, подтвердил писатель.

Пока Игнатий Иванович взвешивал аккуратный пакет на весах, меняя на чашках ладные медные гирьки, приклеивал разноцветные марки с двуглавыми орлами и со стуком ставил печати, Воронов обмахивался платочком и, откинувшись на спинку стула, думал о том, что хорошо бы описать эту самую почтовую контору и бабу, которая, заголив белые икры, моет пол грифельно-серой тряпкой,

и мокрый запах побелки, и приморскую весну, и чиновника Игнатия Ивановича, и яркие горячие подоконники, по которым ползали слабые мухи.

- С вас сорок две копеечки, сказал почтовый чиновник, маловато-с. А в прошлый раз за роман пришлось вам заплатить полтора рубля с копейками. Солидный был роман. Внушительный. Воронов улыбнулся:
- Порядочный получился.
- Получите расписочку, сказал чиновник, протягивая в окошечко полоску квитанции.
- Спасибо. Вот вам полтинник.
- Давайте его сюда, полтинничек этот самый, мы его сейчас разменяем. Прошу получить сдачи восемь копеечек. Потрудитесь проверить.
- Ладно уж, улыбнулся Воронов, ссыпая мелочь в кошелек и надевая затем шляпу. Пойду себе потихоньку. До свиданья.
- До свиданья, Николай Николаевич. Захаживайте.
- Да вот скоро, наверное, новый роман принесу. Рубля на два. В Москву будем его посылать.
- Пошлем и в Москву, самым аккуратным образом.
- Ну, я пошел. До свиданья.
- Подождите, Николай Николаевич, сказал вдруг чиновник. Знакомы мы с вами уже бог знает сколько лет, уже, должно быть, десятка полтора ваших романов и повестей прошли через мои руки, знаю, что вы, так сказать, известный писатель и все такое, а, представьте, до сих пор ничего вашего не читал. Нельзя ли у вас попросить почитать что-нибудь вашего сочинения?
- А в самом деле! рассмеялся писатель. Ведь, в сущности говоря, мы уже старые знакомые. Он задумался. А знаете что? Приходите-ка вы ко мне как-нибудь в воскресенье. Пообедаете. Я вам дам что-нибудь из своих книг. У меня по воскресеньям собираются.

Воронову понравилась эта мысль, и он ее немного развил:

- В самом деле, приходите-ка. Не стесняйтесь. Я буду очень рад. Так давно знакомы, а встречаемся лишь при исполнении служебных обязанностей. Все будут очень рады. Так мы вас ждем. Часика в два, в три.
- Спасибо, зайду. Мне очень приятно. Зайду.
- Заходите. Ну, еще раз до свиданья.

Воронов вышел из конторы и не торопясь пошел домой по шоссе, вдоль цветущих и благоухающих садов, из-за которых временами появлялась белоснежная железная конструкция нового маяка с нижними опорами, выкрашенными суриком [красно-оранжевая (окись свинца) или красно-коричневая (окись железа) краска.]. Он лето и зиму жил на собственной даче над морем. По дороге он сдвинул фетровую шляпу на затылок, заложил за плечи трость, забросил на нее раскинутые руки и таким образом, отчасти напоминая распятие, стал обдумывать следующую главу нового романа, которая должна была происходить в ателье модного художника, среди веселой богемы, и через десять минут забыл о почтовом чиновнике, который до самого воскресенья от восьми до двенадцати и от двух до шести аккуратно сидел у себя за деревянной решеткой, приклеивая марки, взвешивая на весах пакеты, писал квитанции, много курил, скучал и думал о Воронове. Ему очень хотелось посмотреть, как живет такой необыкновенный, даже несколько таинственный человек, как писатель, сочиняющий повести и романы, которые потом набираются в типографиях, печатаются и дорого продаются в книжных магазинах совсем чужим, посторонним людям.

В воскресенье Игнатий Иванович особенно старательно умылся, причесался, ярко расчистил сапоги и в два часа отправился к Воронову. Его встретила жена писателя, женщина, похожая на императрицу Екатерину Вторую, но в пенсне и с очень любезным лицом.

- Вы к Николаю Николаевичу? спросила она, всматриваясь в Игнатия Ивановича. Из почтового отделения, по делу?
- Никак нет, не по делу, а по любезному приглашению господина Воронова отобедать.

На один миг в глазах жены писателя мелькнуло изумление, но тут же она улыбнулась еще любезней.

- Ах вот как! Очень рада. Я - жена Николая Николаевича. Он сейчас у себя в кабинете. Пожалуйста, пройдите прямо через столовую в салон, а потом дверь направо.

Она протянула чиновнику красиво изогнутую руку, которую он осторожно пожал, боясь повредить, и хотел поцеловать, но не рискнул. Он прошел через довольно длинный коридор мимо вешалки, на которой висело множество пальто, макинтошей [пальто из непромокаемой ткани.] и шляп. В столовой было празднично – полно солнца, цветов в горшках и вазах, а стены салона были увешаны от пола до потолка разноцветными картинами в самых разнообразных, по большей части золоченых рамах и багетах. Из кабинета доносились громкие мужские голоса и смех. Чиновник

переступил порог. Перед ним в синем табачном дыму стоял Воронов, держа руки в карманах свободного артистического вестона распашная [мужская укороченная одежда.], и горячо спорил с двумя господами, сидящими в чрезвычайно глубоких пухлых креслах. Увидев Игнатия Ивановича, Воронов вынул руки из карманов, и у него в глазах тоже скользнуло нечто похожее на изумление, но он вспомнил, что сам пригласил почтового чиновника, и на его лице выразилось удовольствие. - Ну вот и прекрасно, что пришли! - воскликнул он, протягивая руку. - Пообедаете с нами. Позвольте вам представить, господа, это господин... Господин... Одним словом, Игнатий Иванович, из нашей местной почтовой конторы.

Игнатий Иванович стал здороваться с другими гостями. Один из них был низенький, толстенький, с монгольскими глазками и, здороваясь, пробормотал нечто неразборчивое, а другой - сухой, с орлиным носом, как бы

заплаканными зоркими глазами и маленькой бородкой, одетый в английский полуспортивный пиджак с большими накладными карманами, – протягивая ему руку в белоснежном крахмальном манжете, отчетливо произнес свою фамилию:

- Карпов.

«Пресвятая Богородица, - с восхищением подумал чиновник, - тот самый почетный академик по разряду изящной словесности Карпов! Вот это здорово!»

Он сел в уголке на мягкий пружинный пуфик и сказал Воронову:

- А у вас тут, знаете, как на картинной выставке.

Воронов снисходительно, но не без удовольствия улыбнулся:

- Все это картины моих друзей, художников. Вот, например, Карла Францевича. - И писатель показал на толстого человечка.

Почтовый чиновник приподнялся с пуфика и сказал, делая приятное лицо:

- Очень-с!

Между тем хозяин продолжал прерванный спор.

- Нет, Ося, говорил он, обращаясь главным образом к почетному академику по разряду изящной словесности, вся прелесть Тютчева не в том, что он писал просто и легко...
- Ну, положим, не просто и не легко...
- Подожди, я еще не закончил свою мысль. А в том, что в нем есть, понимаешь ли ты, этакий вес, груз, сила.

Ты скажешь: ветреная Геба,

Кормя Зевесова орла [*Ты скажешь: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла...* – Последняя строфа стихотворения Ф. И. Тютчева (1803–1873) «Весенняя гроза». Геба – богиня вечной юности, разносившая богам нектар. Зевесов орел – символ верховного бога Зевса],

Громокипящий кубок с неба,

Смеясь, на землю пролила.

А, брат! Это не нам с тобой чета! Силища.

Карпов кисло улыбнулся, но кивнул красивой головой с сильно выдающимся затылком. Они еще говорили долго и много о вещах, не совсем понятных Игнатию Ивановичу, но он слушал их, стараясь не пропустить ни одного слова, и наслаждался, что он сидит в этом просторном, красиво обставленном кабинете с огромными книжными шкафами и присутствует при беседе двух писателей и художника, из которых один был известен на всю Россию.

Приходили все новые и новые люди. В комнатах стало накурено сигарами, тесно, шумно. Разговоры шли о музыке, о журналах, о писателях, о социал-демократии, о художниках, артистах. Пришел лектор с популярной фамилией, вместе с ним баритон из городского театра. Все здоровались с почтовым чиновником, и у всех в глазах мелькало удивление. Но Игнатий Иванович этого не замечал. Стараясь занимать как можно меньше места и не быть назойливым, он с однообразной улыбкой переходил из комнаты в комнату, приближался к картинам, осторожно трогал пальцами рамки и холсты, покрытые слоями затвердевших красок, восхищался и смутно чувствовал себя тоже причастным к этому блестящему художественному миру, совершенно для него новому.

Потом очень долго обедали за длинным столом, на котором было расставлено много хрусталя и цветов. Все было на редкость вкусно и аппетитно, в особенности крошечные слоеные пирожки - сочные, жареные, золотистые, подававшиеся к бульону, на поверхности которого муарово плавал восхитительный навар, временами превращаясь в круглые золотые медали жира. Таких пирожков можно было съесть сто штук и хотеть еще. Но Игнатий Иванович стеснялся и ел мало, хотя и был голоден. Рядом с ним сидела прелестная молодая девушка в простой черной юбке и еще более простой синей кофточке. Он первый раз в жизни сидел рядом с такой красивой, свежей, изящной женщиной. За столом, как всегда в таких случаях, было тесновато, и Игнатий Иванович боялся сделать лишнее движение, чтобы не толкнуть свою соседку локтем или не опрокинуть чего-нибудь на крахмальную скатерть. Но девушка не обращала на него внимания и лишь один раз сказала:

- Будьте добры, передайте мне салату.

Он передал и с умилением смотрел, как ее руки накладывали себе на тарелку деревянными ложкой и вилкой свежие листья, окропленные прованским маслом и лимонным соком.

Передавая соседке салат, Игнатий Иванович капнул на скатерть маслом и, боясь, чтобы его не уличили, стал с самым невинным видом наливать себе в стакан нарзан, хотя ему хотелось попробовать красного вина.

А потом перешли в салон, где было еще больше цветов и картин, чем в других комнатах, и там расселись по креслам, диванам, кушеткам и канапе [диван с приподнятым изголовьем.]. Хозяин

дома долго просил ту самую девушку, которой Игнатий Иванович передавал салат, что-нибудь сыграть. Она сначала отказывалась, но когда ее стали просить хозяйка, а затем и все гости, согласилась и пошла к роялю, который стоял посреди комнаты, разнообразно отражая окна и море. Она раскрыла ноты, бегло осмотрела первую страницу и стала играть. Комната наполнилась звуками, заставлявшими звенеть разные мелкие вещи, расставленные по этажеркам. Чиновник смотрел в окно, и, пока белые пальцы девушки бегали взад и вперед по клавишам, вызывая целую бурю звуков, ему казалось, что бледно-голубое море с парусом на горизонте, и зелень сада, и лиловые вечерние тени деревьев и кустов – все это так красиво не само по себе, а от музыки и что, когда музыка перестанет, все исчезнет: и море, и парус, и деревья.

Заметно вечерело, многие из гостей прощались и уходили. Игнатий Иванович чувствовал, что ему тоже пора домой, но никак не мог заставить себя встать. Он сидел как очарованный. Мысли его разбегались, не привыкшие к музыке нервы звенели, как струны, сердце сладко, непонятно, вкрадчиво ныло. Наконец он заставил себя встать и пошел отыскивать хозяина. Воронов снова стоял в кабинете, сунув руки в карманы вестона, и беседовал с высоким господином в новом длинном сюртуке с шелковыми лацканами и пуговицами, обшитыми шелком в мелкую шашечку. Судя по его строгому профессорскому лицу, разговор шел о вещах важных, серьезных.

- Я попрощаться, сказал чиновник.
- Уже? Останьтесь. Выпейте с нами чаю.
- Никак нет-с. Пора.
- А то?
- Не могу-с. Мне надо.
- Ну, раз надо, то надо. На нет и суда нет. До свиданья. Спасибо, что заглянули.

Игнатий Иванович хотел уже было выйти из кабинета, но вспомнил, что Воронов обещал ему книжечку, и жалобно сказал:

- А книжечку? Вы давеча обещали. Нельзя ли?
- Ах да, книгу. Хорошо. Хотя вот что: сейчас не стоит искать, право, не помню, куда я засунул авторские. И видите, у меня гости. Сделаем лучше так. Заходите как-нибудь на днях. Или через недельку, гм... хотя бы в воскресенье. Пообедаете у нас. А я к тому времени... Хорошо?
- Слушаюсь.
- Hy, всего вам доброго.

Проходя через столовую, почтовый чиновник столкнулся с почетным академиком и сказал ему:

- Я уже отбываю. Честь имею кланяться. Очень приятно, что довелось познакомиться с таким выдающимся человеком. Весьма.
- Тронут, сказал почетный академик четко, как отпечатал. Всего наилучшего.

Он протянул Игнатию Ивановичу свою длинную породистую руку. Хозяйку дома чиновник не разыскал и, не попрощавшись с нею, вышел.

Солнце уже давно закатилось, и розовая заря погасла где-то далеко в степи, апрельское небо на западе все еще зеленовато светилось, на нем отчетливо рисовались кудрявые силуэты молодых акаций и ограды дач, а над морем блестел ясный, словно вымытый, месяц, и от него в море до самого горизонта было тихо и сиренево.

Почтовый чиновник был взволнован. Засыпая, он думал о Воронове, о его доме, о его гостях, картинах, цветах, рояле, маленьких слоеных пирожках, о знаменитом почетном академике по разряду изящной словесности. Ему стало жаль себя, своей бедности, робости. И сознание того, что этого изменить уже никак невозможно, что жизнь почти прошла, долгой ноющей болью отзывалось в сердце и не давало уснуть. Хотелось сочинять стихотворения про горькую долю.

На следующий день Игнатий Иванович опять, сидя у себя за решеткой, наклеивал марки, со стуком гасил их, взвешивал на весах заказную корреспонденцию и выдавал в окошечко квитанции.